

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-32-44

УДК 821.161.1

В.А. Мескин, О.М. ВасияроваРоссийский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198 г. Москва, Российская Федерация

Русские поэты первой половины XIX века в творчестве О.Э. Мандельштама

Аннотация. В статье рассматривается природа творчества О.Э. Мандельштама в ее типологической и генетической связи с русской классикой первой половины XIX в., начиная с Г.Р. Державина, В.А. Жуковского и далее – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, К.Н. Батюшкова и др.; в поле зрения авторов и тематические, и поэтические аспекты. При этом должное внимание уделяется работам ученых, выходящих к этой литературоведческой проблематике, запискам жены Мандельштама, современников. Не отрицая влияния зарубежной классики на творчество поэта, авторы доказывают, что самую большую роль в образовании его художественного поля сыграла русская поэзия, что творчество предшественников-соотечественников всегда жило в памяти поэта-акмеиста, служило своеобразным культурным фоном. Эта роль просматривается и в семантических опытах, и в широкой метафоричности, и в изысканной сенсорности поэта. Понятно, что одни связи прозрачны и доказуемы, другие – гипотетичны, в одних случаях Мандельштам продолжает традиции предшественников, в других случаях преодолевает их. Совместимость противоположных точек зрения на мандельштамовскую поэзию (А.А. Ахматовой, отмечавшей ее исключительную оригинальность, и Б.М. Гаспарова, отмечавшего ее обширную традиционность) объясняется специфичностью того, что сам Мандельштам называл «творящим обменом». Этот обмен, по мнению авторов статьи, основывается на его тонкой поэтике ассоциаций, «подмигиваний». В статье решается вопрос о причинах трудностей, связанных с восприятием лирики О.Э. Мандельштама, выясняются особенности ее постижения в контексте художественной практики эпохи Серебряного века, в контексте незаурядной культурной памяти поэта.

Ключевые слова: поэзия соотечественников-предшественников О.Э. Мандельштама, русская поэзия, акмеизм, литературные связи, поэзия Серебряного века, культурная память поэта

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Мескин В.А., Васиярова О.М. Русские поэты первой половины XIX века в творчестве О.Э. Мандельштама // Литература в школе. 2024. № 6. С. 32–44. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-32-44

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-32-44

V.A. Meskin, O.M. Vasiyarova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, 117198, Russian Federation

Russian poets of the first half of the 19th century in the works of O.E. Mandelstam

Abstract. The article examines the nature of O.E. Mandelstam's work in its typological and genetic connection with Russian classics of the first half of the 19th century, starting with G.R. Derzhavin, V.A. Zhukovsky and further – A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, F.I. Tyutchev, K.N. Batyushkov and others; the authors' field of view includes both thematic and poetic aspects. At the same time, due attention is paid to the works of scientists who addressed this literary criticism issue, notes of Mandelstam's wife, and contemporaries. Without denying the influence of foreign classics on the poet's work, the authors prove that Russian poetry played the greatest role in the formation of his artistic field, that the work of his predecessors-compatriots always lived in the memory of the acmeist poet, serving as a kind of cultural background. This role can be seen in semantic experiments, and in the broad metaphorical nature, and in the poet's exquisite sensory perception. It is clear that some connections are transparent and provable, while others are hypothetical; in some cases, Mandelstam continues the traditions of his predecessors, while in other cases – he overcomes them. The compatibility of opposing points of view on Mandelstam's poetry (A.A. Akhmatova, who noted its exceptional originality, and B.M. Gasparov, who noted its extensive traditional nature) is put down to the specificity of what Mandelstam himself called "creative exchange". This exchange, according to the authors of the article, is based on his subtle poetics of associations, "winks". The article addresses the issue of the causes of the difficulties associated with the perception of O.E. Mandelstam, the features of its comprehension in the context of artistic practice of the Silver Age, in the context of the poet's extraordinary cultural memory are revealed.

Key words: poetry of O.E. Mandelstam's predecessors-compatriots, Russian poetry, acmeism, literary connections, Silver Age of Russian poetry, the poet's cultural memory

CITATION: Meskin V.A., Vasiyarova O.M. Russian poets of the first half of the 19th century in the works of O.E. Mandelstam. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 32–44. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-32-44

В разговорных кругах любителей поэзии нередко одни поэтические сочинения именуются простыми, легко раскрывающими авторские замыслы, другие – сложными, понимание которых требует особых умственных усилий. Творчество О.Э. Мандельштама в этом раскладе относится ко второму ряду, но все не так однозначно. У поэта немало высокохудожественных стихотворений, имеющих достаточно прозрачный план содержания. Таково, например, стихотворение 1920 г., названное по первой строчке. Вот его начальные строфы:

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.

Над Курою есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов...

[18, т. 1, с. 95]

Красочное, полушуточное стихотворение, написанное в плясовом размере, воспринимается как литография грузинской столицы, вид – с высоты птичьего полета. Или вот, строфы красивого стихотворения 1914 г., тоже по первой строчке:

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна? <...>
Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны...

[Там же, с. 60–61]

И здесь образность несложная, «блаженное наследство», «блуждающие сны», всем понятно – это не что иное как метафорическое определе-

ние поэзии, дошедшей до нас с незапамятных «оссиановых» времен, то «наследство», которое, по мнению поэта, дороже всего прочего, временного, нас окружающего.

Заметим, эти стихотворения иллюстрируют два основных постулата акмеизма: «прекрасную ясность», которую акмеисты противопоставили «туманности» символизма, и акмеистическую «тоску по мировой культуре». Следует уточнить: по классической культуре, которую тогда справа опасно реформировали символисты, а слева грозились разрушить футуристы¹.

Мнения о характере достоинств мандельштамовских произведений разнятся. Одни соглашаются с высказыванием А.А. Ахматовой, которая положительно выделяла исключительную индивидуальность поэта, его явление из «ниоткуда» [2, с. 129]. Другие, например, Б.М. Гаспаров, видят очарование мандельштамовских стихотворений во многих выходах к «мотивам, аллюзиям, параллелям» предшественников [7, с. 125]. Парадокс заключается в том, что обе точки зрения имеют право на существование. Мандельштам, с одной стороны, колосс индивидуальности, с другой стороны, это факт, что колосс стоит на просторном фундаменте-контексте мировой и отечественной словесности и шире – культуры². Совместимость точек зрения объясняется специфичностью того, что сам поэт называл «творящим обменом»,

¹ Определение акмеизма как «тоски по мировой культуре» принадлежит О.Э. Мандельштаму, в устном изложении. Его современники датируют это высказывание разными годами, и 1930-м, и 1935-м, и 1937 г. Возможно, все правы, возможно, поэт не раз возвращался к этому важному для него определению.

² Об объемности мандельштамовского контекста писали, кроме Б. Гаспарова, многие ученые: С. Аверинцев, М. Гаспаров, О. Лекманов, Л. Видгоф, И. Сураг и др.

основанным на его тонкой поэтике ассоциаций, «подмигиваний».

Поэзия Мандельштама не заузна, что тоже можно услышать. Заузна зиждется на интуиции, поэзия Мандельштама – на интеллекте, рассчитана на «узнавание». Как сказал он сам в стихотворении «Tristia» (1918): «И сладок нам лишь узнаванья миг» [18, т. 1, с. 87]. Расшифровке его текстов может помочь внимание к переключкам классика с классиками³.

Немало сказано о связях Мандельштама с мировой культурой⁴. Однако более тесно он связан с культурой русской. Об этом тоже сказано мандельштамоведцами, их работы здесь цитируются, но тема не исчерпана. «Современная русская поэзия не свалилась с неба, – писал сам поэт о новейшей поэзии, а значит, и о себе, – а была предсказана всем поэтическим прошлым нашей страны» [17, т. 2, с. 207]. О всегдашнем внимании Мандельштама к поэтам «нашей страны», даже в трудном для него 1932 г., пишет жена поэта Надежда Мандельштам: «И именно в 32-м году, живя на Тверском бульваре в настоящей труппе, он завел себе полочку и тащил туда и Языкова, и Жуковского, и Баратынского, и Батюшкова, и Державина, и еще, и еще...» [16, с. 291]. Российские художники слова – это, несомненно, основная составляющая палимпсеста его поэзии.

Трудно найти более или менее известного русского поэта, который

так или иначе не отразился бы в мандельштамовских художественных или научных писаниях, в прямых упоминаниях, нередко шуточных, но всегда уважительных, как, например, в «Стихах о русской поэзии» (1932).

Может показаться странным, пушкинских отражений в наследии Мандельштама меньше, чем отражений некоторых других поэтов, но есть объяснение этому явлению. Оно видится в том, что Мандельштам носил в душе исключительно трепетное отношение к Поэту⁵. По воспоминаниям А.А. Ахматовой, в этом отношении было нечто «небывалое, почти грозное», ему как бы априори «всякий пушкинизм был... противен» [2, с. 114]. Собственно, об этом же говорила жена поэта: «Осип... считал, что нельзя упоминать всуе ничего, что связано с именем Пушкина» [15, с. 27]. Его Пушкин – Солнце, причем не совсем то, о котором сказал по смерти Поэта В. Одоевский, а сакральное, возлежащее «на черных носилках». Об этом – одическое стихотворение «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920). И еще знаковая строчка в этом стихотворении: «Легче камень поднять, чем имя твое повторить» [18, т. 1, с. 89]. О том, что это все о Пушкине, есть убедительная статья [6].

Возможно, этим высоким пиететом объясняется то, что Мандельштам, запросто, а то и панибратски обращавшийся ко всем русским классикам, как в упомянутых «Стихах о русской поэзии»,

Сядь, Державин, развалился,
Ты у нас хитрее лиса. <...>
Дай Языкову бутылку
И подвинь ему бокал...
[18, т. 1, с. 153]

³ Согласно учению А. Веселовского, В. Жирмунского, переключки могут быть типологические и генетические, иначе говоря, намеренные и не намеренные, но в отношении поэзии их трудно дифференцировать. [См.: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989; Жирмунский В.М. Восток и Запад // Сравнительное литературоведение. Л., 1979.]

⁴ Об этом говорится во многих публикациях. [См., например: Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. М., 2017.]

⁵ Об этом доказательно пишет И.З. Сурат в книге «Мандельштам и Пушкин» (2009).

кажется, нигде напрямую не обращается к Пушкину. У него есть строфы, которые созвучны строфам Поэта, есть соприкосновения содержательных планов, как, например, в стихотворениях «Петербургские строфы» (1913) или «Люблю морозное дыханье» (1937) и др. В стихотворении «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932) точно речь о Пушкине, но и там Пушкин не упоминается:

Дайте Тютчеву стрекозу –
Догадайтесь почему!
Веневитинову – розу.
Ну а перстень – никому...

[18, т. 1, с. 155]

Речь о пушкинском перстне... Во всей отечественной поэзии Мандельштам не видит поэта, достойного носить талисман с руки Поэта.

Исследователи справедливо пишут об ассоциативном обращении Мандельштама к пушкинским темам: памятник, казнь, Петербург, море, виноград и т.д.⁶ При этом есть ассоциации более отчетливые. В стихотворении «Как облаком сердце одето...» (1910) легко узнаются мотивы из пушкинских стихотворений «Поэт», «Пророк»:

Пушкин:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...

[19, т. 3, с. 21]

Мандельштам:

Как облаком сердце одето
И камнем прикинулась плоть,
Пока назначенье поэта
Ему не откроет Господь...

[18, т. 1, с. 245]

Есть ассоциации менее отчетливые. Это, скорее, реминисценции. Как пример можно привести стихотворения о стихии ветра, олицетворяющей мощь природы и мощь творческого порыва – «Аквилон» Пушкина и «Отчего душа так певуча...» (1911) Мандельштама:

Пушкин:

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?..

[19, т. 2, с. 214]

Мандельштам:

Отчего душа – так певуча,
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм – только случай
Неожиданный Аквилон?..

[18, т. 1, с. 39]

М.Ю. Лермонтов «пребывает» в поэзии Мандельштама примерно в той же мере, что и Пушкин, и, возможно, по тем же причинам. В упомянутом стихотворении «Дайте Тютчеву стрекозу...» поэт пишет о нем: «А еще над нами волен / Лермонтов, мучитель наш...» [Там же, с. 155].

О. Ронен объяснял эти строки тем, что Лермонтову поэт «обязан мучительной темой звездного неба и кремнистого пути...» [20, с. 32]. Думается, в первую очередь, «кремнистого пути» примеров много, особенно в позднем творчестве, хотя и тема «звездного неба» представлена у Мандельштама, например, в стихотворениях «Я по лесенке приставной...» (1922), «Грифельная ода» (1923), «Были очи острее точимой косы...» (1937).

Вот очевидная, по-своему polemичная реминисценция на лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...»:

Лермонтов:

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит...

[13, т. 2, с. 83]

⁶ См.: *Сурат И.З.* Тяжесть и нежность: О поэзии Осипа Мандельштама. М., 2022; *Сурат И.З.* Мандельштам и Пушкин. М., 2009.

Мандельштам:

И ни одна звезда не говорит,
Но, видит Бог, есть музыка над нами...

[18, т. 1, с. 103]

И в стихотворении Мандельштама «Ламарк» (1932), об ученом, который до Дарвина пытался раскрыть закономерности развития живой природы, эхом проходят лермонтовские строки из стихотворения «Блестя, пробегают облака...». То и другое стихотворение – об отчуждении природы.

Лермонтов:

И люди все к ничтожеству спешат, –
Но, хоть природа презирает их...

[13, т. 1, с. 205]

Мандельштам:

И от нас природа отступила –
Так, как будто мы ей не нужны...

[18, т. 1, с. 149]

Можно предположить, что и легендарный кельтский бард III в. Оссиан, и Шотландия в упомянутом в начале статьи программном стихотворении «Я не слышал рассказов Оссиана...» были взяты Мандельштамом у Лермонтова, из стихотворения «Гроб Оссиана». Оно тоже о непреходящем значении истинной поэзии:

Под занавесию тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей...

[13, т. 1, с. 125]

Другие лермонтовские мотивы реминисцируют в ряде сочинений Мандельштама, в таких, как «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910), «Кузнец» (1911), «Скудный луч холодной мерою...» (1911), «Воздух пасмурный влажен и гулок...» (1935) и др.

«Итак, ни одного поэта без роду и племени, – писал Мандельштам, – все пришли издалека и идут далеко» [17, т. 1, с. 266]. И в этом ряду для себя

лично он, вряд ли не прежде всего, выделял Г.Р. Державина. «Следы» этого поэта особенно несложно найти в его строфах и строчках.

Многие мотивы, образы, описания явлений природы известного классициста наглядно отражаются в мандельштамовских строфах. Очевидно, все это, объединенное схожей стилевой строгостью, четкостью, дало основание М.И. Цветаевой в стихотворении «Никто ничего не отнял...» сопоставить Державина со своим современником: «Что вам, молодой Державин, / Мой невоспитанный стих!» [23, с. 252]. Цветаева не объяснила, что подвигло ее к такому сопоставлению, но, думается, именно присущая акмеисту Мандельштаму державинская классицистическая ясность. Примером может служить почти вся поэзия Мандельштама. Если обратиться к наиболее наглядной перекличке – вот строфа стихотворения «Декабрист» (1917):

– Тому свидетельство языческий сенат –
Сии дела не умирают! –
Он раскурил чубук и запахнул халат,
А рядом в шахматы играют...

[18, т. 1, с. 79]

Или строфа стихотворения «Царское Село» (1917):

Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...

[Там же, с. 43]

Несомненно, еще и схожая тропика могла подвинуть Цветаеву к сопоставлению Мандельштама и «молодого Державина». Эта схожесть проявляется, в частности, в пристрастии обоих поэтов к обилию выходящих к природе метафор и сравнений. Например, у Державина в стихотворениях – «Утро», «Лето», «Гром», у Мандельштама – «На темном небе,

как узор...» (1909), «Когда городская выходит на стогны луна...» (1920), «Я к губам подношу эту зелень...» (1937). Ряд того и другого поэта можно продолжить. Хотя есть и разница. Природа у Державина – светоносна, у Мандельштама – музыкальна.

Державин:

Пурпур, лазурь, золото, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блестящий глянec
Сыплют вокруг, тихим лучом...

[8, с. 115]

Мандельштам:

Есть иволги в лесах, и гласных долготы
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность,

как в метрике Гомера...

[18, т. 1, с. 59]

Державин часто живописует драгоценностями. В этом смысле типичен его «Водопад»:

Алмазна сыплется гора
С высот четырьмя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми...

[8, с. 42]

С.С. Аверинцев писал о Державине: «Природа “блещет”, и поэзия не нарадуется на картины световых эффектов, на отражение и преломление световых лучей в золоте и “кристаллах”» [10, с. 763]. Набор его драгоценностей действительно разнообразен – золото, серебро, яхонт, сапфир, изумруд, янтарь, алмаз, рубин. И так же богато самоцветы украшают стихи Мандельштама, хотя, конечно, не только его: «Эмаль, алмазы, позолота...», «Сусальным золотом горят...», «...выхолненный изумруд...», «Убиты медью вечерней...», «Мерцают звезд булавки золотые...», «Морской воды тяжелый изумруд...», «...в ледяных алмазах...» [18, т. 1].

Поэзия Державина изобилует всеми цветами радуги и их оттенками – зеленый, красный, желтый, голубой, синий, розовый, пурпурный, лазурный, ряд можно продолжить. Даже женская красота у него цветиста: «Белокурой Параша, / Сребророзова лицом» [8, с. 87]. Богата цветописью и лирика Мандельштама, и его эпитет также может быть неожиданным – «перламутровый челнок», «зеленые пальцы», «зеленеющие долины», «бледная сирень», «фиолетовый гобелен» и т.д. [18]. Правда, с годами мандельштамовская палитра по известным причинам символично мрачнеет: «черное солнце», «черный Веспер», «черные розы» [Там же].

Особенно наглядно объединяет обоих поэтов их частое обращение к образам птиц. Такое обилие пернатых – вряд ли не феномен мировой поэзии. И можно предположить, что своеобразная орнитология пришла в поэзию Мандельштама из поэзии Державина, автора таких, например, стихотворений: «Ласточка», «Соловей во сне», «Снегирь», «Лебедь», «Синичка», «Соловей», «Павлин». У Мандельштама птицы разных видов встречаются, например, в таких стихотворениях: «Под грозовыми облаками...» (1910), «Скудный луч холодной мерою...» (1911), «От вторника и до субботы» (1915), «Ласточка» (1920), «Детский рот жует свою мякину...» (1936), «Я около Кольцова...» (1937). Оба поэта часто сравнивают себя с птицами. Особенно любима обоими поэтами ласточка. Конечно, принадлежность к разным поэтическим эпохам сказалась в обращении к одним и тем же явлениям. Лирика Державина аллегорична, за образом птицы у него, как правило, стоит конкретный человек. У Мандельштама сложнее, его птицы – это символы, отражение душевного состояния лирического героя.

Если говорить о «схождениях» и «голосов перекличке», то нельзя не вспомнить о К.Н. Батюшкове. Его Мандельштам любовно-выразительно представил в стихотворении «Батюшков» (1932):

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Дафну поет...

[18, т. 1, с. 152]

О Батюшкове, как о «любимом» поэте Мандельштама, писал Л.М. Видгоф [8, с. 9]. В самом общем виде их роднят толики эпикурейства в характерах, наличие противоречий в творчестве. Относительно одного в этом можно убедиться, читая ниже цитируемую книгу А. Клятис, относительно другого – ознакомившись с мнением С.С. Аверинцева, назвавшего Мандельштама «виртуозом противочувствия» [1, с. 49].

Существенно то, что обоих поэтов сближает понимание соотношения жизни и творчества. Свое поэтическое кредо предшественник высказал в эссе «Нечто о поэте и поэзии» (1816): «Живи как пишешь, и пиши как живешь» [5, с. 342]. Это высказывание диалогически и интонационно соотносится с известным высказыванием Мандельштама 1912 г., которое тоже тянет на кредо: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя» [17, т. 2, с. 144].

Если обратиться к конкретности, их роднит внимание к античности, к ее словесности. Батюшков вышел к ней через семейную любовь, посвоему введившую античность в жизнь, в быт [11, с. 17]. В стихотворении «По чести, мудрено в санях или верхом...» он прямо сказал, что именно придает ему античность:

Я крылья придаю моей ужасной кляче
И прямо – на Парнас! – или иначе...

[3, т. 1, с. 77]

«А я пою вино времен» – это сказал о себе Мандельштам в стихотворении «Зверинец» (1916), противопоставляя духовность античности бездуховности современности, но это мог сказать о себе и Батюшков [18, т. 1, с. 74]. Конечно, два поэта, разделенные столетием, по-разному «поют» античность. Для одного это прекрасное далекое, память о котором возвышает, для другого – это нечто живое, что повторяется и «повторится снова», чтобы победить «презренное» временное, «скучное соседство» [18, т. 1]. Так, вольно или невольно «преодолевая» предшественника, Мандельштам выходит к важной для него теме вечного возвращения. В хрестоматийной работе 1921 г. он писал: «Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы – и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, глубокая радость повторенья охватывает его, головокружительная радость...» [17, т. 2, с. 170].

Вряд ли можно говорить, что Батюшков повернул Мандельштама лицом к античности, но точно этому способствовал. В знаменитом стихотворении Мандельштама «Tristia» (1918) просматриваются, как заметила исследовательница, тибулловы элегии предшественника [11, с. 79–80]. Из вольного перевода «Элегии из Тибулла» «летающая» Делия перелетела в знаменитое стихотворение Мандельштама:

Батюшков:

Беги навстречу мне, беги из мирной сени
В прелестной наготе явись моим очам.
Власы развеяны небрежно по плечам...

[4, с. 167]

Мандельштам:

Смотри: навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Деция летит!..

[18, т. 1, с. 87]

Впрочем, она могла «перелететь» и непосредственно от Тибулла.

С.И. Липкин говорил, что Мандельштам выделял «линию Батюшкова в дальнейшем движении русской поэзии», и видел Мандельштама звеном в продолжении этой линии, усложнившей ее эллиптической поэтикой или, как принято говорить в мандельштамоведении, поэтикой «опущенных звеньев» [14, с. 29]. Заметим, о близости поэтов говорит то, что Мандельштам не канонизирует Батюшкова. В стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912) он кочует того, как своего современника: «И Батюшкова мне противна спесь» [18, т. 1, с. 42].

Известно, что сильное влияние на Батюшкова оказал В.А. Жуковский. Конкретных «следов» Жуковского в поэзии Мандельштама немного, но весьма много, так сказать, типологических корреляций. В элегическом стихотворении «Скудный луч холодной мерою...» (1911) есть узнаваемые жуковско-романтические мотивы, интонации:

Утро, нежностью бездонное, –
Полу-явь и полу-сон,
Забвенье неутоленное –
Дум туманный перезвон...

[Там же, с. 37]

Строки Жуковского из стихотворения «Вечер»

Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает...

[9, т. 1, с. 76]

созвучны строкам стихотворения Мандельштама «Скудный луч холодной мерою...» (1911):

Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола...

[18, т. 1, с. 37]

О генетических связях Жуковского и Мандельштама, понятно через Ф.И. Тютчева, можно говорить, если обратиться к стихотворению первого «Невыразимое» и второго – «Silentium» (1910):

Жуковский:

Но лезя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..

[9, т. 1, с. 129]

Мандельштам:

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!..

[18, т. 1, с. 34]

Более конкретные связи наблюдаются между творчеством Мандельштама и Тютчева, особенно в начальный, еще символистский, период мандельштамовского творчества. О первоначальной близости поэта к символистам пишет О. Лекманов [12, с. 19]. Известно, как почитаем был Тютчев в кругах символистов. Такие стихотворения молодого Мандельштама, как «Ни о чем не нужно говорить...» (1909), «Смутно дышащими листьями...» (1911), «Душу от внешних условий...» (1911), «Природа – тот же Рим и отразилась в нем...» (1917), не только интонационно, но и семантически близки стихотворениям Тютчева, таким, как «Silentium», «Природа – сфинкс. И тем она верней...», «Ночное небо так угрюмо...», «О, вещая душа моя!..» и др.

У Мандельштама немало прямых диалогических отсылок к стихам этого предшественника. Вот несколько примеров:

Тютчев:

Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем...

[22, т. 2, с. 142]

Мандельштам:

И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса...

[18, т. 1, с. 34]

Тютчев:

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

[22, т. 2, с. 175]

Мандельштам:

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода...

[18, т. 1, с. 29]

И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы...

[Там же, с. 37]

Исследователи (например, Е. Тоддес) указывают и на другие подобные отсылки⁷.

Мандельштам наследует тютчевское эпическое отношение к миру природы, к ее величавой мощи. Пожалуй, в этом их отношении есть толика апокалиптического страха, невнятной безысходной тревоги. Все это очевидно, если сравнить такие, например, стихотворения Тютчева, как «День и ночь», «Смотри, как на речном просторе...», «Песок сыпучий по колени...» и, например, Мандельштама – «Слух чуткий парус напрягает...» (1910), «Я вздрагиваю от холода...» (1912), «Пешеход» (1912) и т.д. Весьма характерны в этом плане строки тютчевского стихотворения,

⁷ См.: Тоддес Е.А. Мандельштам и Тютчев // Избранные труды по русской литературе и филологии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 448.

которое написано на французском языке и переведено В.Я. Брюсовым, «Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège...»:

Нет выхода!

Весь мир исчез в тумане этом,
Тот мир, где место есть живым,
грозе, борьбе!

И, убаюканный тем смутным полусветом,
О полюс! – город твой влечется
вновь к тебе!

[22, т. 1, с. 202]

Мандельштам вслед за Тютчевым выступил как певец первородного хаоса. На хрестоматийно известные стихотворения предшественника на эту тему – «О чем ты воешь, ветер ночной?..», «Песнь радости» (Из Шиллера), «Сон на море» – второй ответил рядом тематически схожих стихотворений, в частности, стихотворением «Качает ветер тоненькие прутья...» (1913), где есть такие строки:

Разве я знаю, отчего я плачу?
Я только петь и умирать умею.
Не мучь меня: я ничего не значу
И черный хаос в черных снах лелею!

[18, т. 1, с. 401]

Связь не в формальном упоминании хаоса тем и другим поэтом, а в схожей философии экзистенциального страха. Хаос одного поэта в стихотворении «Видение» поэтическим эхом отзывается в стихотворении другого – «Бесшумное веретено...» (1909), и здесь та же философская корреляция:

Тютчев:

Есть некий час, в ночи,
всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес...

[22, т. 1, с. 70]

Мандельштам:

Все одинаково темно;
Все в мире переплетено
Моею собственной рукою;
И, непрерывно и одно,
Обуреваемое мною
Остановить мне не дано –
Веретено.

[18, т. 2, с. 234]

Отсылка к Е.А. Баратынскому у Мандельштама немного, но они очевидны. Заметим, звонко-поэтичное слово «Аквилон» в упомянутом именно так названном стихотворении Пушкина появилось тремя годами позже его появления у Баратынского в стихотворении 1821 г. «Водопад»:

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрипучей,
И с непогодю ревучей
Твой рев мятежный соглашен...

[3, т. 1, с. 211]

Так что обращение Мандельштама к образу стихии в процитированном стихотворении «Отчего душа так певуча?..» могло быть связано с поэзией как Пушкина, так и Баратынского, не говоря уже о том, что к этой стихии все три поэта могли обратиться независимо друг от друга.

В стихотворении Мандельштама «Еще далеко мне до патриарха...» (1931) прослеживается безусловная отсылка к стихотворению Баратынского «Еще, как патриарх, не древен я...». Первым ее заметил Н. Струве: «От образа, взятого у Баратынского... Мандельштам... переходит в шутивно-иронический тон: “язык трамвайной перебранки”» [21, с. 53–54].

Баратынский:

Еще, как патриарх, не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвященных рук бездарно возложенье!..

[3, т. 3, с. 56]

Мандельштам:

Еще далеко мне до патриарха,
Еще на мне полупочтенный возраст,
Еще меня ругают за глаза
На языке трамвайных перебранок,
В котором нет ни смысла, ни аза:
Такой-сякой! Ну что ж, я извиняюсь, –
Но в глубине ничуть не изменяюсь...

[18, т. 1, с. 143]

Шуточный зачин этого стихотворения у Мандельштама разворачивается в драматическое повествование об одиночестве гонимого лирического героя, о непонимании им окружающего мира.

В эссе «Слово и культура» Мандельштам писал: «...поэт не боится повторений и легко пьянеет классическим вином» [17, т. 2, с. 170]. Многочисленные «повторения» самого Мандельштама весьма специфичны. Это, скорее, легкие, в одно касание, обращения, они, как правило, служат зачином или поводом для оригинального поэтического сочинения. Они также выполняют роль отсылок к поэтическим творениям предшественников. Таким образом, пусть и невольно, Мандельштам как бы освежает память о них, говорит от лица поэзии вообще. Конечно, при этом он чаще обращается к «посвященным», кто, встретив в его строфах Делию вспомнит и Тибулла, и Батюшкова, встретив Оссиана – Лермонтова, прочитав о «призрачной» свободе или о «вещей» душе – Тютчева и т.д.

Мандельштам был строгий литератор. Известно, что он взыскательно относился и к предшественникам, и к себе, и к поэтам-современникам; в направлении творчества некоторых из них, случалось, летели его язвительные критические стрелы. Судя по этим стрелам, Мандельштам не терпел просто красивых стихов, просто описательных стихов; по его

профессиональным убеждениям, стихи должны нести еще и познавательный заряд о духовной жизни прошедших эпох, «тоску по культуре». Именно поэтому постижение значительной части мандельштамовского наследия требует и эстетического, и интеллектуального напряжения. Временному, «скучному соседству» Мандельштам предпочитал вечность, соответственно, метонимии – метафору. Строгая критика поэта оправдана не только его несомненным при-

родным даром стихотворца, но еще и исключительным трудом, позволившим ему освоить огромный свод «блаженного наследства». Он возрстал как человек мировой культуры, он подвигал людей сохранять ее. Важной или важнейшей составной этой духовности была для Мандельштама поэзия соотечественников-предшественников, объект его многих поэтических рефлексий. Лишь некоторая часть этой поэзии упомянута в настоящей статье.

Библиографический список

1. Аверинцев и Мандельштам: статьи и материалы. М., 2011.
2. Ахматова А.А. Листки из дневника. Проза. Письма. М., 2017.
3. Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. М., 2002–2012.
4. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964.
5. Батюшков К.Н. Сочинения. М., 1934.
6. Видгоф Л.М. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012.
7. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993.
8. Державин Г.Р. Водопад: Избранные стихотворения. М., 1977.
9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–2023.
10. Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII – начало XIX века). М., 1996.
11. Клятис А. Батюшков. М., 2012.
12. Лекманов О.А. Осип Мандельштам: вехи поэтического пути // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М., 2017. С. 19–28.
13. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: в 2 т. Л., 1989.
14. Липкин С.И. «Угль, пылающий огнем». Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М., 2008.
15. Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1989.
16. Мандельштам Н. Третья книга: воспоминания. М., 2006.
17. Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. М., 1990.
18. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 2009.
19. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л., 1950–1951.
20. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.
21. Струве Н.А. Осип Мандельштам / автопер. с фр. Томск, 1992.
22. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений: в 6 т. М., 2002–2005.
23. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1994.

References

1. Averincev i Mandelstam: stati i materialy [Averintsev and Mandelstam: Articles and materials]. Moscow, 2011.
2. Ahmatova A.A. Listki iz dnevnika. Proza. Pisma [Pages from the diary. Proze. Letters]. Moscow, 2017.
3. Boratynsky E.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Complete collection of works and letters]. Moscow, 2002–2012.

4. Batyushkov K.N. Polnoe sobranie stihotvorenij [Complete collection of poetry]. Moscow; Leningrad, 1964.
5. Batyushkov K.N. Sochineniya [Works]. Moscow, 1934.
6. Vidgof L.M. «No lyublyu moyu kurvu-Moskvu». Osip Mandelshtam: poet i gorod [“But I love my whore Moscow”. Osip Mandelstam: The poet and the city]. Moscow, 2012.
7. Gasparov B.M. Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoj literature XX veka [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the XX century]. Moscow, 1993.
8. Derzhavin G.R. Vodopad [Waterfall]. Selected works. Moscow, 1977.
9. Zhukovsky V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. [Complete collection of works and letters in 20 vols.]. Moscow, 1999–2023.
10. Iz istorii russkoj kultury. T. 4 (XVIII – nachalo XIX veka) [From the history of Russian culture. Vol. 4 (XVIII – early XIX century)]. Moscow, 1996.
11. Klyatis A. Batyushkov [Batyushkov]. Moscow, 2012.
12. Lekmanov O.A. Osip Mandelstam: Milestones of the poetic path. *Mandelstam O.E. Stihotvorenija. Proza*. Moscow, 2017. Pp. 19–28. (In Rus.)
13. Lermontov M.Yu. Polnoe sobranie stihotvorenij: v 2 t. [Complete collection of poetry in 2 vols.]. Leningrad, 1989.
14. Lipkin S.I. «Ugl, pylayushchij ognem». Vospominaniya o Mandelshtame. Stihi, stati, perepiska [“Coal, blazing with fire”. Memories of Mandelstam. Poems, articles, correspondence]. Moscow, 2008.
15. Mandelshtam N. Vospominaniya [Memories]. Moscow, 1989.
16. Mandelshtam N. Tretya kniga: vospominaniya [Third book: Memories]. Moscow, 2006.
17. Mandelshtam O.E. Sochineniya: v 2 t. [Works in 2 vols.]. Moscow, 1990.
18. Mandelshtam O.E. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 3 t. [Complete collection of works and letters in 3 vols.]. Vol. 1. Poetry. Moscow, 2009.
19. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. [Complete collection of works in 10 vols.]. Moscow; Leningrad, 1950–1951.
20. Ronen O. Poetika Osipa Mandelshtama [The poetics of Osip Mandelstam]. St. Petersburg, 2002.
21. Struve N.A. Osip Mandelshtam [Osip Mandelstam]. Transl. from French. Tomsk, 1992.
22. Tyutchev F.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 6 t. [Complete collection of works in 6 vols.]. Moscow, 2002–2005.
23. Tsvetaeva M.I. Sobranie sochinenij: v 7 t. [Works in 7 vols.]. Vol. 1. Poetry. Moscow, 1994.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024, принята к публикации 30.08.2024

The article was received on 25.05.2024, accepted for publication 30.08.2024

Сведения об авторах / About the authors

Мескин Владимир Алексеевич – доктор филологических наук; профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Vladimir A. Meskin – ScD in Philology; Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

E-mail: vameskin@yandex.ru

Васярова Ольга Михайловна – студент филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Olga M. Vasiyarova – student at Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

E-mail: vasiyarova.om@mail.ru